

КОЛДУНЯ

— Он идет, он уже близко...

Пламя двух светильников колебалось от ветра, который врывался с террасы. Голос Медеи глух, словно ей не хватало воздуха.

В отличие от матери сын ничего не видел в большом прозрачном шаре, висевшем в воздухе посреди комнаты, только легкий туман внутри. Юный Мед усмехнулся:

— Почему ты так боишься Тезея, разве он сильнее твоих чар?

— Если он придет в Афины и увидится с царем Эгеем, царь поймет, что это его сын. Тогда я буду изгнана.

Невесть откуда взявшаяся в комнате большая черная птица вдруг захлопала крыльями и вылетела в дверь, ведущую на террасу. Ни мать, ни сын не обратили на нее внимания, это было привычным. К тому же движение ее крыльев, когда птица пролетела между светильниками, никак на пламя не повлияло. Это означало, что птица не существует.

— Тебя прогонят из Афин, как прогнали из Коринфа? — Мед устроился удобней на ложе, взял с блюда на столе ячменную лепешку и принялся отщипывать крошечные кусочки.

Обычно Медею это раздражало, но сейчас она была слишком встревожена увиденным, чтобы обращать внимание на мелочи.

— Мед, ты должен его убить!

— А потом ты убьешь меня, как убила моих братьев, детей Ясона, в Коринфе?

Медея хлопнула в ладоши, и шар исчез.

Теперь черные глаза матери впились в такие же у сына:

— Я никогда не убивала своих детей! Это выдумали жители Коринфа, чтобы очистить свое имя, это они убили и наших детей, и самого Ясона!

— После того как ты живьем спалила его новую жену?

— Что ты знаешь об этом, только то, что услышал от досужих болтушек, которые шипят мне вслед, словно клубок змей?!

Мед никогда не видел такого напора у матери, хотя прекрасно знал, что она способна на многое. О ней говорили, что колдунья, но к чему оспаривать, если посреди комнаты вдруг появляется прозрачный шар, в котором Медея видит то происходящее далеко, то будущее? Разве обычные царицы такое видят?

Но Медея не обычная царица, она вовсе не царица. Ясон привез красавицу-чародейку из

Колхиды, где царевна помогла возлюбленному добыть золотое руно и после этого бежать от собственного разгневанного отца, царя Колхиды Ээта. Она не жалела никого из родных, взяла с собой на корабль аргонавтов младшего брата, а когда Ээт почти догнал беглецов, попросту расчленила брата и выбросила куски в море, чтобы задержать царя.

Ясону тогда бы ужаснуться и оставить Медею в Колхиде, но он привез красавицу в Иол. И ведь все бесполезно — дядя, отправивший Ясона добывать руно, уже был свергнут, а новый царь Пелий уступать трон Ясону не собирался. Медея помогла по-своему: внушила царевнам, что их папашу можно омолодить, если сварить в кипятке, те и постарались.

Но оставаться после этого в Иоле опасно, пришлось уйти в Коринф.

Сначала там все было спокойно, Медея родила Ясону сыновей, но все же пришлось не по душе жителям Коринфа. По мнению коринфян, Колхида — это дикий край, где и люди тоже дикие. Однако Медея оказалась вовсе не дикой, к тому же способной преподавать урок многим женщинам (а иногда и мужчинам). Она не заискивала не только перед людьми, но и перед богами Олимпа, у Медеи были свои боги.

Кому же такое могло понравиться? Никому и не нравилось, Медею невзлюбили с первого дня, хотя она родила Ясону детей. Герой побаивался свою необычную жену, а потому, когда царь

Коринфа Креонт предложил ему свою юную красавицу-дочь Главку в жены с условием, что Ясон прогонит Медею, аргонавт поспешно согласился.

Когда Медея вспоминала о том, как, пряча глаза и спотыкаясь на каждом слове, тот, ради кого она пожертвовала всем, что имела в Колхиде, сообщил о предстоящей буквально тем же вечером свадьбе и ее изгнании (при том, что дети оставались с отцом по его воле), руки сами собой сжимались в кулаки, а губы в который раз шептали:

— Ясон, как ты мог?!

Если боялся ее колдовских способностей, почему бы не сказать об этом открыто? В конце концов, она никогда не колдовала ему или его людям в убыток или на беду. Не трогали бы ее, не проклинали и не прогоняли, боясь ее силы, эта сила никогда бы не обернулась против.

Мед внимательно наблюдал за матерью.

Еще в Фивах, изгнанная жителями из города вопреки воле поверившего в волшебницу Геракла, Медея обещала бездетному царю Афин Эгею, что у него будет наследник:

— Возьми меня в Афины, и будет у тебя наследник.

Взял, привез во дворец, даже сделал любовницей, но поинтересоваться, кто же родит этого наследника, не удосужился. А, может, интересовался, да не считал будущего сына Медеи законным? Скорее второе.

Эгей зачем-то отправился сначала к оракулу, который тоже предсказал сына, а потом путешествовать. Он, видите ли, не понял слова оракула! Переспросить не мог? Царь отправился искать подсказку, а его младший брат Паллант принялся собирать войско, чтобы в отсутствие старшего брата попросту захватить Афины.

Подсказка нашлась в виде юной и очень красивой Эфры, дочери царя Трезена Питфея. Вернее, это царь быстро сообразил, что именно нужно сделать, тем более, дочь уже оказалась лишена девственности самим Посейдоном. Возвращаясь в Афины, Эгей был абсолютно уверен, что Эфра носит его (и Посейдона) сына. У него будет наследник, да еще какой — полубог!

Медея все это видела в своем шаре, но ничего предпринять не могла — она ведь тоже носила под сердцем сына Эгея. А еще силы были нужны, чтобы наслать болезнь на младшего брата царя Эгея Палланта, не то некуда Эгею было бы возвращаться из постели юной Эфры.

Медея встретила царя с прекрасным ребенком на руках. Да, он рожден не от бога, но от самого Эгея. Но царь едва взглянул на младенца.

Попыталась рассказать, что видела в шаре, как готовился к нападению на Афины в отсутствие царя его младший брат Паллант, как ей пришлось напрячь все силы, чтобы наслать на Палланта болезнь и спасти царство.

И что же Эгей, слышала ли она хоть слово благодарности или радости? Ничуть. Царь кричал, что Медея снова взялась за старое — колдует!

— Если кто-то узнает, тебя не просто прогонят, но забросают камнями, разорвут на части!

Гася свою обиду, Медея удалилась. Уйти бы совсем, но куда? С маленьким сыном на руках и репутацией колдуньи далеко не уйдешь. Эллада столь же жестока, как и Колхида, обратного пути домой тоже не было, она преступница, пожертвовавшая братом и Золотым руном из любви к Ясону. К тому же в Колхиде не примут ее сына от Эгея.

Медея воспитывала сына как будущего царя, неважно каких земель, но нашлись те, кто нашептал Меду в уши совсем иное. Сказали, что он рожден непонятно от кого, что Эгей ни при чем, потому и не признает сына. И это когда сам Мед как две капли воды похож на отца.

Она могла бы наслать болезнь и сгноить заживо самого Эгея, оставить Афины пустыми с помощью какой-нибудь страшной заразы, побить градом своих обидчиков... да мало ли что могла! Но вместо этого оберегала их, борясь с чужими чарами. Почему? Надеялась, что Мед станет царем Афин, а мать царя не может быть запятнанной.

Приходившие в город жители Коринфа рассказывали о ней небылицы, твердили, что, будучи обиженной на Ясона, Медея убила своих

детей. Это одно из самых страшных преступлений. Медея пыталась напомнить, что даже Геракл признал ее невиновной, но что злым языкам до Геракла, кричали, что и его проклятая ведьма опоила зельем. Коринфяне не желали вспоминать, что Медея спасла их от голода, что Ясон бросил ее с детьми после того, как она помогла привезти Золотое руно, да многое не желали вспоминать, зато хорошо помнили смерть Коринфского царя Креонта. Считалось, что Креонта отравила именно Медея за то, что он выдал свою дочь Главку за Ясона.

Вообще-то Креонт умер от несварения желудка, а Главка сгорела потому, что бездумно крутилась в подаренном ей Медеей роскошном пеплосе подле больших светильников. Край пеплоса задел пламя, спасти новую жену Ясона не смогли. Медея бежала из Коринфа, а жители убили оставленных с Ясоном детей и потом самого Ясона. Но в смерти детей обвинили их мать-колдунью.

И вот теперь история грозила повториться в Афинах.

Медея уже не была прежней, она не верила людям независимо от того, в каком городе они жили — в Коринфе или в Афинах, Трезене или Фивах... Внучка бога солнца Гелиоса все чаще колдовала в полутьме и все реже появлялась на солнце. У нее не было седых волос и морщин на лице, потому говорили, что Медея умеет омолаживать людей. Медея никому не рассказывала

о щедром даре богини Геры за то, что отвергла ухаживания ее любвеобильного мужа Зевса.

Умным она давала приготовленную ею самой краску для волос, чтобы скрыть седину, и разные мази, чтобы кожа лица оставалась молодой надолго. Глупым советовала попытаться свариться в кипятке. Нашлись дурочки, что поверили — разрубили своего отца царя Пелия на куски и бросили в кипяток в надежде, что он выйдет из варева молодым и здоровым. Обвинили в их поступке снова Медею. Все винили, даже Ясон.

Постепенно светлое в Медее гасло за ненужностью, а темное брало верх.

Она могла лечить, но приходилось колдовать и насылать болезни. Могла умолить своего деда Гелиоса быть милостивым к людям, но приходилось просить сжечь чьи-то посевы или высушить источник. Могла предостерегать, зная будущее людей, но вместо того пугала пророчествами.

Ей некуда было идти, она никому не нужна, для всех опасна и всех пугала. Одиночество страшная вещь, но она во сто крат страшней, если живешь во дворце среди людей, но от тебя шарахаются при встрече и вслед сыплют только проклятья. Трудно быть доброй, если тобой пугают детей, трудно сохранять на лице улыбку, когда тебя называют колдуньей.

Ясон предал, Эгей тоже...

Медея шестнадцать лет старалась не думать о подрастающем в Трезене сыне Эгея, но забыть

не получалось. Раз в год она смотрела в шар и убеждалась, что этот мальчишка растет как настоящий герой — он крепче своих сверстников, красив, сообразителен и ничегошеньки не знает о своем земном отце.

Но наступил день, когда Эфра рассказала о спрятанных Эгеем мече и сандалиях, чтобы юноша поднял огромный камень, достал оставленное отцом и отправился в Афины добывать себе славу и трон.

Медея задумалась так глубоко, что не замечала пристального взгляда сына. Пришлось напомнить о себе.

— Так почему ты боишься Тезея?

Она словно очнулась от своих видений, вздрогнула от имени, как от удара, в черных глазах, отражаясь, снова заплясало пламя светильников. Меду на мгновение показалось, что мать сейчас взмахнет крыльями и вылетит в окно, как та черная птица.

— Я не Тезея боюсь, а того, что будет, если он придет в Афины. Эгей признает его своим сыном.

— Но ведь так и есть?

— И наследником трона, то есть следующим царем Афин!

— Почему это тебя пугает? — все равно не понимал Мед, который вопреки внушениям матери не считал себя наследником афинского трона.

— Ты сын Эгея, законный, рожденный во дворце после того, как Эгей назвал меня женой!

Мед рассмеялся, поднимаясь с ложа.

— Царь Эгей никогда не называл тебя женой, а меня сыном. Ни к чему надеяться на афинский трон.

Глаза матери снова впились в глаза сына огненным взглядом. Меду показалось, что внутри ее зрачков горит черный огонь.

— Тезей отправится не морем, а через Коринфский перешеек, встретит в пути много опасностей, я постараюсь. Но если он не погибнет, то ты выйдешь навстречу и убьешь!

В ответ на ее взгляд внутри Меда рождалось что-то страшное, он чувствовал, что готов к сказанному матерью, что действительно отправится навстречу Тезею и убьет брата.

Гекатомбион в Афинах всегда очень жаркий, это месяц сбора обильного урожая и столь же обильных жертвоприношений богам. Само название гекатомба — «сто быков» — говорит о том, каковы эти подношения.

В третий день месяца солнце уже с утра палило так, словно вознамерилось сжечь Афины, но в темной комнате Медеи было прохладно. Волшебница сидела, задумчиво уставившись вдаль и не замечая палящего зноя снаружи.

Она не повернула голову и навстречу вошедшему в помещение сыну.

Мед устало опустился на большой сундук прямо у входа и произнес, ни к кому не обращаясь:

— Я не смог..

Медея скосила на сына глаза и сделала знак служанке, чтобы та вышла. С волшебницей спорить не рисковал никто, как и подслушивать, безмолвная Хриза словно растворилась в воздухе.

Мед повторил:

— Я не смог.. он мой брат..

Мог бы не говорить, прекрасно знал, что мать все видела в своем шаре, но хотелось объяснить, что не струсил, просто рука не поднялась убить того, кто рожден от его же отца. Пусть царь Эгей не признает сыном самого Меда, юноша все равно считает Эгея своим отцом.

Медея вздохнула:

— Я сама сделаю, но будь готов бежать.

Сын немного помолчал, а потом задал вопрос, который всегда интересовал его:

— Ты ведь знаешь будущее, знаешь, что Тезей станет царем Афин, да?

— Нет. Я знаю, что он в восьмой день гекатомбиона придет в Афины и Эгей признает в нем сына по мечу и сандалиям.

— А дальше?

Мать снова уставилась в лицо Меда темным взглядом.

— Кем бы ни стал Тезей, ты станешь царем огромных земель на Востоке, столь больших и богатых, что Афины в сравнении с ними рыбацкая деревушка. А Тезей.. ему многое предстоит, но нас это не коснется.

— Скажи, почему, зная, что должно произойти, ты все же пытаешься изменить будущее? Не лучше ли подчиниться судьбе, чтобы мойры не перестали плести нить твоей жизни?

Медея усмехнулась:

— Это афиняне верят в обязательность подчинения воли мойр. Мои боги более терпимы и предлагают выбор. Ты можешь изменить свою судьбу, если что-то сделаешь или не сделаешь. Если бы ты убил Тезея, то стал бы царем Афин. Но ты не сделал этого, потому вернешься со мной в Колхиду и станешь царем огромного царства вокруг нее.

— Мы уходим немедленно? — подозрительно прищурился Мед.

Медея усмехнулась:

— Не-ет... я сначала сделаю еще одну попытку лишить Эгея наследника. Причем сделает он это собственными руками. Отказавшись от тебя как от сына, он лишится и сына, рожденного Эфрой. Пусть Афины достаются Палланту, он более заслужил это.

— Но Тезея невозможно убить, — сделал последнюю попытку остановить мать Мед.

— Он смертен...

— А если они убьют тебя?!

— ... а я бессмертна...

Мед усомнился:

— Ты?

— Да, Гера даровала мне бессмертие за то, что я не ответила на любовь Зевса.

— Я мог быть сыном Зевса? — почти с придыханием поинтересовался Мед.

— Ты слышал хоть об одном счастливом сыне Зевса? Всех их преследует ревнивая Гера. Да и зачем тебе? Повторяю: ты будешь сильным царем, но не здесь.

— Надеешься, что Гера поможет тебе уничтожить Тезея?

— Это сделает сам Эгей.

Медея сделала знак, что не желает продолжать разговор. Сын встал, произнес «хайре!» в знак прощания и отправился к себе — смывать дорожную пыль.

Все произошло, как предсказывала Медея.

Тезей пришел в Афины в восьмой день гекатомбиона, Эгей сначала не узнал сына и, настроенный Медеей против опасно сильного незнакомца, едва не отравил его, лично подав чашу с вином. Но задуманное Медеей не удалось в одном: отец увидел меч сына и понял, кто перед ним. Чаша с ядом отлетела в сторону, а самой волшебнице пришлось поспешно скрываться.

Медея недаром предупреждала сына о готовности к побегу, догнать их с Медом не сумели, да и как догонишь солнечную колесницу, запряженную драконами? Спасение, как обычно, было послано дедом Медеи богом Гелиосом, а тех воинов-афинян, что все же рискнули послать стрелы в беглецов, спалило пламя из пастей драконов.

Волшебница все предсказала верно: они с Медом вернулись в Колхиду, где власть захватил, убив царя Ээта, его собственный брат Перс, расправились с Персом и стали царствовать, все расширяя и расширяя владения.

Но, даже находясь так далеко, Медея не забыла о Тезее, рождение которого сорвало ее планы в Афинах. Лично перед ней Тезей не был виноват ни в чем, но самим своим существованием нарушил планы волшебницы, а бессмертные такого не прощают.

Я – СЫН ЭГЕЯ!

Тезей уже третий месяц жил во дворце царя Эгея.

Дворцом дом афинского царя можно было назвать с большой натяжкой. И Афины еще невелики, и дворца у них пока не было, скорее большой дом за укрепленной стеной, куда в случае необходимости могло собраться и собиралось все население города.

Но ни Тезея, ни самого Эгея, ни афинян это не смущало. Расцвет их прекрасного города был еще впереди, люди словно чувствовали это, не торопились с большими постройками, не возводили роскошные храмы, не ставили стройные колонны из белого мрамора. Они всему еще только учились, и строительство больших зданий не являлось первоочередной задачей.

Тезей и у деда в Трезене не видел огромных дворцов, он понимал, что все впереди. Слишком много вокруг врагов и завистников, сначала надо показать свою силу, иначе строить бесполезно, иначе построенные дворцы поспешат захва-